

С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ РАБСТВА *

Сектор древней истории Института истории приступает к рассчитанному на ряд лет изданию серии монографий по истории рабства в Средиземноморье в античную эпоху. В связи с этим снова встает ряд вопросов, нуждающихся в дополнительном и всестороннем обсуждении.

Один из них — это вопрос о критериях, позволяющих нам отнести то или иное общество к рабовладельческому и говорить о существовании рабовладельческой формации в целом. Как известно, многие западные исследователи истории древности, полемизируя прямо или косвенно с историками-марксистами, в первую очередь стараются доказать, что рабство не играло в древности той роли, которая давала бы право говорить об особой рабовладельческой формации со своими особыми законами, со своей спецификой, отличающей ее от иных этапов развития человечества. Один из главных их аргументов — ссылка на сравнительно незначительную, абсолютную и относительную, численность рабов в те или иные периоды или в тех или иных областях античного мира, а также на тенденцию к уравнению положения рабов и свободных, что будто бы сглаживало противоречия, характерные для рабовладельческого общества.

Рассмотрим сначала первый из этих аргументов.

Думается, что от критерия численности рабов следует отказаться самым решительным образом. Никакая статистика в этом случае невозможна, и всякая интерпретация соответственных данных будет неизбежно более или менее субъективной¹. Если бы мы приняли точку зрения, согласно которой характер формации можно определить, лишь зная численность отдельных групп населения, вопрос о формационной принадлежности античного мира пришлось бы признать неразрешимым. Но самый этот метод подхода к проблеме неправомерен.

Во-первых, следует различать, идет ли речь об отдельной области

* Печатается в порядке обсуждения

¹ Характерен, например, материал эпитафий рабов и отпущенников из склепов Волузиев и Статилиев. Уэстермани, подсчитывая их число и деля его на пять поколений владельцев склепов, доказывает, что Волузии и Статилии обладали сравнительно незначительным числом рабов (W. Westermann, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955, стр. 88). Но на это можно возразить, что надписи относятся лишь к городским фамилиям и что, кроме того, они обычно называют лишь наиболее привилегированных и близких господам рабов и отпущенников, а следовательно, не позволяют судить о численности фамилий в целом. Но надо признать, что и те и другие предположения в значительной мере гипотетичны, а следовательно, спорны.

древнего мира, об отдельном обществе, или обо всем этом мире, о формации в целом. Так, если не только у племен и народов, живших вне римского государства, но и в ряде районов римских провинций, отношения, свойственные различным ступеням первобытно-общинного строя, преобладали над отношениями развитого рабовладения, то это отнюдь не опровергает существования рабовладельческой формации. Ведь и наличие огромных территорий колониальных и полуколониальных стран, в которых консервировались феодальные отношения, не противоречит существованию капиталистической формации. Очевидно, в данном случае в расчет следует принимать главным образом ведущие общества и государства, т. е. оказывавшие решающее влияние на общества, сосуществующие с ними, путем ли прямого подчинения их своему политическому господству (например, взаимоотношения Рима и провинций), путем ли экономических и культурных связей, стимулировавших в отсталых областях развитие производительных сил и соответственно скорейшее разложение господствовавших там более примитивных отношений (например влияние связей с Грецией и ее колониями, Римом и итальянскими городами на кельтов, фракийцев, иллирийцев, скифов и т. п.). Подобное влияние тем более интенсивно, чем более силен и жизнеспособен рабовладельческий способ производства в обществах, оказывавших это влияние. По мере же своего упадка способ производства становится бессильным влиять на племена и народы с иным экономическим и социальным строем, и, напротив, воздействие этих стран (также в разных формах, вплоть до завоевания) способствует ускорению его разложения и гибели.

Во-вторых, и в самих этих ведущих обществах способ производства определяется не численностью тех или иных классов и социальных групп. Примером могут служить некоторые бесспорно капиталистические страны, в которых даже в середине XIX в. пролетариат и промышленная буржуазия далеко не составляли большинства населения. Тем более трудно представить себе общество, в котором рабы и рабовладельцы составляли бы абсолютное большинство, поскольку ясно, что рабовладельческие отношения в смысле способности подчинять своему воздействию все те формы собственности и эксплуатации, на основе которых они возникают и крепнут, значительно слабее отношений капиталистических.

Но если не критерий численности рабов, то что же определяет рабовладельческую формацию? Для историка-марксиста главным критерием определения любой общественно-экономической формации — в том числе и рабовладельческой — является способ производства. Но способ производства, как известно, представляет собою неразрывное единство производительных сил и производственных отношений. Состояние производственных отношений в том или ином обществе в тот или иной исторический период, в свою очередь, должно дать ответ на вопрос, в чьем владении находятся средства производства и как они используются для эксплуатации чужого труда. Таким образом, вопрос о специфике каждой формации, о критериях, определяющих эту формацию, сводится в конечном счете к вопросу о формах собственности (имущественных отношениях) и способах эксплуатации. Последний критерий, очевидно, настолько важен и вместе с тем специфичен, что Энгельс считал возможным именно по этому последнему признаку характеризовать формации. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» он писал: «Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостное право в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произведения, т. II, 1952, стр. 307).

Чрезвычайно существенно при характеристике той или иной формации не только констатировать способ производства, который данную формацию определяет, но и учесть тенденцию развития, т. е. историческую прогрессивность интересующего нас способа производства. Применительно к рабовладельческой формации это имеет особое значение. Дело в том, что рабский труд, рабство как форма эксплуатации в определенные периоды развития самих античных обществ (например, в период становления рабовладельческого способа производства или, наоборот, в период его кризиса), а тем более в обществах, находившихся под воздействием развитых рабовладельческих государств, могли и не быть преобладающими формами эксплуатации (и труда). Но это никак не должно колебать наше представление о рабовладельческой формации. Если рабский труд или рабовладельческая форма эксплуатации не преобладали количественно (как и число самих рабов в античных государствах), то они, несомненно, преобладали качественно. Это качественное преобладание проявлялось прежде всего в самом развитии и усложнении рабовладельческой формы эксплуатации (например, переход от эксплуатации рабов, имеющих средства производства и некоторые права, к эксплуатации рабов античного типа), в ее влиянии на другие формы производительного труда и на положение других категорий производителей, в превращении раба в основной инвентарь или вид имущества, а тем самым и в важнейший составной элемент производительных сил античного общества. Именно в этом заключалась тенденция развития рабовладельческого способа производства, а следовательно, его историческая закономерность.

Рассмотрим более конкретно вопрос о развитии рабовладельческой формы эксплуатации и ее влиянии на другие формы и виды производительного труда. Очевидно, это целесообразнее всего проследить на примере перехода от хозяйства, основанного на личном труде собственника средств производства, к хозяйству, в котором уже эксплуатируется чужой труд. Так, в период возникновения феодальных отношений разбогатевшие общинники, став владельцами двух или нескольких наделов, продолжая работать сами, применяли также труд посаженных на землю несвободных и свободных, но разорившихся и попавших от них в зависимость общинников^{1а}. Формирование капитализма сопровождается формированием не только промышленного, но и сельского пролетариата. Разбогатевший крестьянин начинает свое превращение в капиталистического фермера с найма батраков. В рабовладельческом обществе владелец земельного участка или мастерской, начинающий применять чужой труд, приобретает раба. Даже в таких поздних источниках, как Сирийский законник или рескрипты императоров на имя дефенсоров и должностных лиц Иллирика (СЖ, XI, 55, 2; СTh, I, 29, 2), упоминаются принадлежавшие крестьянам рабы. В более ранние времена крестьяне или пользовались на основе взаимности помощью соседей, или имели одного-двух рабов. Ни о каком другом труде в крестьянских хозяйствах мы не слышим. Рабов имели первоначально и более состоятельные колонны, и мелкие арендаторы участков на рудниках или даже те, кто получал право использовать на рудниках отходы от первичной обработки породы. Рабами же пользовались и наделенные пекулием рабы. Такие рабы рабов, викарии, появляются уже в поздней республике (например, Сис., Verg., II, 1, 36).

С применения рабского труда начинали не только собственники Рима и Италии, но и те, кто при римском господстве становились землевладельцами в провинциях. В общих чертах дело там, по-видимому, обстояло

^{1а} См. А. И. Н е у с ы и н, Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956, стр. 20—22.

так: старые крупные землевладельцы, сохранявшие свои земли и после римского завоевания, продолжали в той или иной мере применять те методы эксплуатации, которые соответствовали издавна сложившимся там отношениям, используя труд клентов, должников, арендаторов, стоявших на разных ступенях зависимости, и т. п. Но те, кто вновь покупал или иным способом приобретал имения в провинциях — римские и италийские дельцы, гражданские колонисты, ветераны, местное население, между которым делили землю, конфискованную у провинциальной перед Римом местной аристократии², провинциалы, разбогатевшие и выдвинувшиеся из низов при римском господстве, — пользовались для обработки своих земель и в других случаях уже трудом рабов. Таких провинциальных землевладельцев и рабовладельцев неоднократно упоминает Цицерон (например, Публий Квинктий и Невий, имевшие земли в Галлии — *Pro P. Quintio*, 6; 26; 29; землевладельцы из числа римских граждан и туземцев в Сицилии — *Ver.*, II, 5, 2—7; 12, и др.; публиканы и неопционеры Азии, имевшие большие фамилии в имениях и соляных копях — *Pro lege Manil.*, 6, и т. д.). По археологическим данным достаточно известно, как быстро росло число рабовладельческих вилл в наиболее романизированных районах провинций, т. е. в тех районах, где старые, доримские отношения успели наиболее полно разложиться. Рабовладельцами становились получавшие в провинциях землю ветераны, что явствует как из типа их вилл, так и из надписей, судя по которым даже в областях со слаборазвитым рабством ветераны обладали некоторым, правда небольшим, количеством рабов³.

Только с наступлением и развитием кризиса рабовладельческого способа производства разложение общинных или патриархально-рабовладельческих отношений в провинциях перестает приводить к распространению и укреплению отношений классического рабства и становится основной формирования элементов феодального способа производства. И хотя в ряде областей рабство распространилось очень незначительно, уже тот факт, что влияние римского завоевания и проникновение римских форм хозяйства вели к возникновению рабовладельческих вилл, подтверждает, что ведущим способом производства был именно рабовладельческий.

Именно поэтому наиболее типичной формой хозяйства чем далее, тем более становилась рабовладельческая вилла и соответственная ей в ремесле небольшая мастерская, наиболее рентабельные при системе рабства, когда длительное использование масс рабов в крупных хозяйствах было и невыгодно, и небезопасно⁴ и когда вместе с тем при данном уровне развития производительных сил возникавшие в таких хозяйствах простая кооперация и разделение труда давали им преимущества перед мелкими индивидуальными хозяйствами. В древности рабские плантации появлялись как исключение; исключением были и владельцы тысяч и десятков тысяч рабов (если представить себе, что таковые действительно существовали, а не были плодом сатирического преувеличения или фантазии

² Подобный случай упомянут Сиколом Флакком: «когда были изгнаны народы и власть имущие, то те латифундии богачей, на земле которых находились многие лица, были между ними разделены и даны им в надел» (*Die Schriften der römischen Feldmesser*, В., 1848, т. I, стр. 161).

³ Рабов давал вместе с землями военным колонистам Александр Север (*SHA*, *Alex. Sev.*, 57).

⁴ Отсюда постоянные жалобы (до развития колоната) на запустение латифундий, превращавшихся в охотничьи угодья, парки или вовсе не обрабатывавшихся. Крупные хозяйства с применением рабов возможны были только в скотоводстве, где рабочей силы требовалось сравнительно меньше, а земли больше, чем в любой из отраслей земледелия.

Петрония и Афиней. Плиний Старший, в противоположность им придерживавшийся сухих фактов, определяет самую большую цифру рабов, принадлежавших одному лицу, в 4116, но лицо это ставит в ряд самых выдающихся из известных ему богачей — NH, XXXIII, 47, 2). Но что основной рабочей силой в хозяйствах, где вообще эксплуатировался чужой труд, были рабы, вряд ли можно сомневаться, как и в том, что до начала катастрофического роста крупного землевладения в период кризиса рабства именно такие хозяйства были наиболее типичны. Последнее подтверждается, помимо всего прочего, и юридическими источниками. Для юристов главный вид имущества — имение с рабами, чем далее, тем более становящимися неотъемлемой частью имения и его инвентаря⁵, и составляющее неразрывный комплекс как при переходе по наследству, так и при отдаче в залог (для последнего характерна известная *formula Vaetisa*, примерный договор на получение взаймы денег под залог имения с рабом—CIL, II, 5042). В сознании юристов, несомненно под влиянием подсказанной жизнью практики, укрепляется представление, что имущество без раба, через посредство которого оно только и может приносить доход, фактически обесценивается; представление же это никогда не могло бы сложиться, если бы раб не рассматривался как основная рабочая сила и если бы перед владельцем открывался богатый выбор возможностей использовать труд лиц другого статуса.

Конечно, такой труд все же использовался и в некоторых случаях играл значительную роль. Труд батраков использовался в имениях. Вероятно, в более значительных размерах применялся наемный труд в ремесле. Ремесленников нанимали и те же землевладельцы, и подрядчики, работавшие на государство и частных заказчиков, и владельцы ремесленных мастерских. Еще гораздо большее значение приобрел со временем труд колонов. Все они были свободными людьми (по крайней мере до закрепощения колонов), но, несомненно, положение рабов оказывало огромное влияние на их положение. Влияние это было мало заметно в первое время, пока огромное большинство народа состояло из людей, так или иначе живших собственным трудом, и пока труд, не только сельскохозяйственный, но и ремесленный, пользовался всеобщим уважением. Но по мере роста имущественного неравенства развивается презрение к простому труду и особенно к труду человека, лишенного собственности и вынужденного работать на другого. Крепнет убеждение, что такой человек уже не свободен в полной мере, что он приближается к рабу. Фактически он попадал на самый низ социальной иерархии и в конце концов вообще переставал быть полноправным гражданином. Работавшего по найму, например, перестали принимать в армию, тогда как право и обязанность служить в армии всегда были одним из отличительных признаков свободнорожденного гражданина античного государства. Его рассматривали в ряде случаев как члена фамилии нанимателя; последний мог сам расправиться с ним за кражи и тому подобные провинности, не прибегая к суду, как делал это и с рабом; наемного работника нельзя было допрашивать против нанимателя, как раба против господина, отпущенника против патрона (Dig., XXI, 1, 25, 2; XXXIII, 2, 3; XLII, 10, 15, 48; XLVIII, 19, 11, 1; XLIX, 16, 8; CJ, VII, 16, 6). Если в период поздней республики все римские граждане были избавлены от телесных наказаний, то во время империи с укреплением различия между *honestiores* и *humiliores* последние, состоявшие из простого трудящегося народа, могли быть высечены

⁵ Наиболее интересны: Dig., XV, 3, 16; XIX, 2, 3, 19; XXV, 1, 16; XXX, 84, 10; XXXI, 77, 13; 15; 88, 6; XXXII, 38, 5; 78; 93, 2; XXXIII, 1, 18; 7; 8; 12; 13; 18; 19; XXXVIII, 1, 5, 35; P a u l., Sent., III, 6, 34—35; G a i., Inst., II, 153—155. Cp. A. S t e i n w e n t e r, *Fundus cum instrumento*, Wien, 1942.

так же, как и рабы. Еще более ярко повлияло положение рабов на положение колоннов, постепенно лишившихся не только гражданского полноправия, но и владельческих прав на свое имущество, превратившееся в полное подобие рабского пекулия (Dig., XX, 6, 14; XXXIII, 7, 24; CTh, V, 19, 1). Все эти и многие аналогичные факты могут быть поняты, если мы признаем, что эксплуатация рабов была основной и ведущей формой эксплуатации и что именно поэтому «простой труд» становится рабским делом, а всякий человек, работавший на другого, неизбежно фактически, а иногда и юридически деградирует и опускается до положения раба⁶.

Теми же моментами определялась и вся структура тогдашнего общества. Для всякого римлянина основной его ячейкой была фамилия. Аналогии между государством и фамилией, между главой государства и *pater familias* были общим местом в самых разнообразных сочинениях на философские и политические темы. Столь же несомненно было для римлянина и основное деление общества на рабов и свободных, деление, не уничтожавшееся никакими рассуждениями об естественном равенстве людей, о происхождении рабства из насилия и т. п. Как бы далеко ни заходили «смягчение нравов» и «гуманные идеи», которые многие исследователи охотно выискивают у философов и вероучителей того времени, деление на рабов и свободных не оспаривалось. Мало того, его, видимо, не оспаривали даже сами рабы. Мечтая о победе над своими угнетателями, они думали, что поменяются с ними местами и сделают из господ своих рабов, что особенно ярко отразилось в поэмах Коммодяна. Идеал общества, построенного на принципах свободы, равенства и братства, вдохновлявший народы в эпоху ранних буржуазных революций, не получил популярности в античности, что лишний раз подтверждает, сколь органически было присуще ей мировоззрение, корни которого можно найти лишь в господстве рабовладельческих отношений над всеми иными отношениями господства и подчинения.

И, наконец, в качестве последнего возражения против «количественного критерия» следует остановиться на вопросе об источниках рабства. Общераспространенным мнением является то, что главным источником пополнения рабов были войны. Нередко можно встретить утверждение: главной целью захватнических войн было приобретение рабов. Развитие рабовладельческих отношений в той или иной стране ставится в прямую связь с этими захватническими войнами и доставляемым ими притоком военнопленных, которых обращают в рабов⁷.

Как в западноевропейской, так и в нашей исторической науке многие придерживаются следующей схемы развития рабовладельческого способа производства, в частности в древнем Риме: рабство могло быть рентабельно лишь при минимальных затратах на покупку и содержание раба и извлечении из него максимального прибавочного продукта в минимальный срок. Поэтому раб эксплуатировался с такой интенсивностью, что погибал или утрачивал трудоспособность чрезвычайно быстро, и его приходилось заменять новым рабом. Продолжительность жизни раба была для его хозяина гораздо менее важным фактором, чем производительность труда раба. Рабовладелец знал лишь одно экономическое

⁶ Конечно, и в феодальном обществе, и в тех буржуазных государствах, которые сохранили много феодальных пережитков, высшие классы презирали людей физического труда. Но, во-первых, в идеологии эксплуататорских классов разных формаций есть некоторые общие черты, а во-вторых, по крайней мере юридически, дворянин, вынужденный заниматься «простым трудом», не изгонялся из сословия, тогда как те «потомки Энея», которые, по словам Ювенала, становились пастухами, теряли все права и оказывались ближе к рабам, чем к патрициям.

⁷ До недавнего времени на той же точке зрения стояли и авторы настоящей статьи.

правило: выжать из раба возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени. И так как рабовладельцу было невыгодно в течение 10—15 лет кормить детей, рожденных рабынями, в ожидании, пока они начнут работать, то естественный прирост в пополнении числа рабов роли не играл. Новые рабы, уже взрослые и трудоспособные, поступали в имения и мастерские за счет непрерывно продававшихся в рабство пленных, дешевых благодаря своей многочисленности. Когда же наступательная политика Рима стала сменяться оборонительной, приток пленных сократился, рабы подорожали, наступил кризис рабовладельческого способа производства.

Как ни странно, эта столь популярная среди историков и особенно экономистов схема отнюдь не подтверждается фактами. Никогда, ни на одном этапе истории рабовладельческого общества господин не выбрасывал детей своих рабынь, как не выбрасывал, например, и новорожденных быков на том основании, что бык, согласно тогдашним воззрениям, обладал трудоспособностью лишь с трехлетнего до десятилетнего возраста, т. е. лишь в течение $\frac{2}{3}$ своей жизни. Напротив, всякий хозяин считал для себя весьма выгодным разведение рабов. Катон, образец прижимистого хозяина, подчинявший все свои действия соображениям выгоды (Плутарх, например, резко осуждает его за негуманный совет продавать старых, не годных к делу рабов, *Cato*, 5), не только воспитывал родившихся в его имении рабов, но даже требовал, чтобы его жена давала новорожденным грудь, дабы они, став молочными братьями его сына, полюбили его (там же, 20, 6). Он также покупал пленный детей сам или через посредство своих рабов, учил и воспитывал их, с тем чтобы затем частично использовать их в своем хозяйстве, частично с выгодой продать (там же, 21, 1; 5). Обучение рабов, которые впоследствии продавались или сдавались в наем, было одной из прибыльных отраслей деятельности Красса. Варрон настоятельно советовать давать пастухам сожительниц, не только чтобы укрепить их привязанность к дому и господину, но и чтобы обеспечить себе немалые выгоды: увеличение фамилии, как и размножение скота, повышает доходность хозяйства (*De Agricult.*, II, 1; 10). Корнелий Непот в биографии Аттика, наделяемого всеми чертами, способными вызвать уважение и восхищение читателя, пишет, между прочим, что у Аттика была образцовая фамилия, предмет его тщательных забот. Среди его рабов было много образованных людей и искусных ремесленников, и все они были рождены, воспитаны и обучены в его доме, что рисует Аттика как прилежного и рачительного хозяина (*Pomp. Att.*, 13, 3—4). Наконец, почему надо пренебрегать известной характеристикой Аппиана положения Италии в последнее столетие перед движением Гракхов? Здесь Аппиан прямо говорит, что число рабов крайне умножилось, потому что они в отличие от свободных, на долгие годы уходивших на войну и отрывавшихся от семей, беспрепятственно размножились (*BC*, I, 7). Примеры эти можно было бы умножить, но и приведенные выше показывают несостоятельность гипотезы о пополнении в период республики рабов только за счет взрослых военнопленных.

Кроме того, и самое представление о массовом, непрерывном притоке обращенных в рабство пленных едва ли правомерно. Придерживающиеся его исходят из пока еще ничем не доказанного предположения, что все покоренные на войне обращались в рабов. Конечно, массовые продажи пленными бывали, но, видимо, они вовсе не составляли общего правила. Пленными обменивались. Их выкупали: Цицерон, например, считает, что выкуп пленный — одна из первейших обязанностей хорошего гражданина (*De offic.*, II, 19). Их могли и отпустить после триумфа (примером может служить история Вентидия Басса). Массовая продажа пленный в рабство

была скорее мерой наказания за возмущение против уже признанного римского господства, чем общим правилом и результатом всякой войны. Таким образом, были, например, наказаны тарентинцы во время Второй пунической войны, эпитроты, коринфяне. Во время войн Цезаря в Галлии он продал в рабство атуатуков, которые сперва капитулировали, а затем, воспользовавшись тем, что Цезарь вывел из их города солдат, снова взялись за оружие (BG, II, 33). По той же причине были проданы им и венеты (там же, III, 16). Как мятежный город рассматривался и Пинденнис в Киликии, взяв который, Цицерон устроил распродажу пленных (Cic., Ad. Att., V, 20). Август, по словам Светония, наказывал наиболее часто восставшие против власти Рима народы продажей пленных в рабство с тем, чтобы они не отпущались на свободу ранее тридцатого года (Suet., Aug., 21). Любопытно, что после смерти Цезаря Цицерон, обращаясь к сенату, восклицал: теперь, спустя шесть лет, мы снова обрели свободу, и мы долее терпели рабство, чем это обычно для дельных и честных пленных (Philip., VIII, 11). Достоинно внимания, что Цицерон приводит здесь для сравнения не рабов вообще, а именно пленных — *captivi*. Сопоставляя это с известием Светония об условиях, на которых Август продавал пленных мятежников (на таком условии, между прочим, были проданы усмирённые Теренцием Варроном салассы — Dio Cass., LIII, 25), можно предположить, что существовал обычай отпускать на волю рабов из числа пленных после нескольких лет неволи.

Кстати сказать, самые условия продажи и покупки рабов показывают, что не пленные составляли главный контингент поступающих в обращение рабов. Варрон называет шесть способов приобретения рабов-пастухов и лишь один из них — покупка рабов из числа добычи (De Agricult., II, 10). Покупатель требовал от продавца гарантии не только относительно физического состояния раба, но и относительно его моральных качеств. Раба, умышлявшего бегство, вора, непокорного покупать не хотели. Но, естественно, о характере только что захваченного пленного продавец судить не мог, и скорее всего такой раб был и непокорен, и стремился бежать, и не был склонен работать без непрерывного жестокого принуждения, которое трудно было осуществлять в условиях небольшой виллы или мастерской с ограниченным штатом надзирателей. Поэтому, возможно, пленному и сулили сравнительно скорое освобождение за хорошее поведение. В массе же пленных скорее могли использовать не в частных хозяйствах, а в государственных рудниках и гладиаторских школах с соответствующим жестоким режимом. Если в Риме все же было много рабов-иностранцев — малоазийцев, сирийцев и т. д., — то они могли поступать из провинций, где уже давно находились в рабстве, между прочим и в результате ограбления провинций вообще. Как видно, например, из Веррин, заместники провинций и их штат присваивали не только деньги и прочее имущество провинциалов, но и наиболее ценных их рабов. Вероятно, так же поступали публиканы и другие дельцы, высасывавшие все соки из провинций (см., например, рассуждения Цицерона о существовавшем при «предках» запрещении посланным в провинцию официальным лицам покупать там рабов, чтобы такие покупки не превратились в повод для вымогательства. Verr., II, 4, 5).

Таким образом, даже для периода республики, не говоря уже об империи, нельзя безоговорочно признать войну чуть ли не единственным, или во всяком случае далеко оставляющим позади себя все другие, источником рабства. А это подрывает всю приведенную выше схему и лишней раз показывает, что ни развитие, ни упадок рабовладельческого общества, ни самый характер его не стоят в прямой связи с абсолютной численностью рабов, с непрерывным ее возрастанием или падением за счет внешних

источников, хотя, конечно, концентрация рабов в Риме и Италии играла определенную роль в их истории. Но вместе с тем можно констатировать, что самый факт обращения в рабство какой-то части пленных показывает господство рабовладельческой собственности и эксплуатации. С другой стороны, с того времени, как пленные начинают использоваться в качестве колонов, можно утверждать, что рабство стало экономически невыгодным и что начался кризис рабовладельческого способа производства.

Теперь следует остановиться на втором из упоминавшихся выше аргументов противников тезиса о существовании рабовладельческой формации, ссылающихся на постепенное улучшение положения рабов и на известное уравнение их положения с положением свободных. Выяснить значение этого аргумента можно лишь в связи с вопросом о том, на какой период падает наивысший расцвет рабовладельческой формации и когда достигают наибольшей остроты присущие ей противоречия.

Думается, что исследователи в этом плане склонны иногда придавать излишнее значение некоторым внешним моментам, например, более или менее жестокому обращению с рабами, большей или меньшей возможности для раба стать если не собственником, то владельцем средств производства, более или менее заметным и ярким фактам сопротивления рабов и т. п.

Но такого рода факты далеко не всегда могут служить ответом на вопрос о степени развития способа производства в целом. Так, например, в начальный период истории капитализма положение пролетариата иногда было более тяжелым, чем впоследствии, но это не доказывает ни того, что во время первоначального накопления капиталистическая формация достигла наибольшего развития, ни того, что противоречия капиталистического общества сглаживаются. То же относится и к феодализму. Если не принимать во внимание стран, переживших «вторичное закрепощение», можно сказать, что на последнем этапе истории феодализма с понижением роли отработочной ренты перед крестьянами открылись большие возможности и положение их стало несколько лучше. Но как раз именно этот период знаменовался крайним обострением всех противоречий феодального строя и окончился рядом буржуазных революций, положивших конец его существованию. С другой стороны, самые мощные крестьянские движения приходились как раз не на период кризиса феодализма, а на этапы его становления и наибольшего расцвета. Почему же при определении наивысшего развития рабовладельческого строя мы должны делать упор только на такие моменты, как положение рабов, рабские восстания и тому подобные признаки?

В истории рабовладельческой и феодальной формаций есть некоторые черты сходства, которые, возможно, могут позволить подойти к этому вопросу несколько с иной стороны. И та, и другая формации знали деление общества на сословия, причем если первоначально сословия совпадали с классом, то к концу существования формаций (хотя и сравнительно задолго до их окончательной гибели) сословия начинают разлагаться и внутри их формируются классы нового общества. Это объясняется тем обстоятельством, что и при рабовладении и при феодализме элементы нового способа производства достигают весьма значительного уровня развития параллельно с разложением старого. Самое разложение сословий не только не свидетельствует о смягчении противоречий, но, напротив, об их крайнем обострении.

Рабы в античности были не только классом, но и одним из основных сословий общества. Первоначально класс и сословие совпадали. Рабы были производителями материальных благ, составлявшими собственность своих владельцев, причем в отличие от других зависимых слоев собствен-

ность безусловную, т. е. не связанную, например, с собственностью на земельный участок, на котором они сидели (как собственность на колонов и *servi rustici* в поздней империи, или коллективная собственность членов племени-победителя на землю и сочленов племени-побежденного), с сословной или гражданской принадлежностью владельца, или какими-либо другими ограничениями. Отсюда проистекало полное юридическое бесправие рабов, составлявшее отличительный признак рабов как сословия во все время его существования, независимо от фактических изменений положения тех или иных его групп. Но вместе с тем всякое сословие составляет органическую часть общества, хотя бы оно и стояло на низшей ступени социальной лестницы, и должно иметь в нем свое определенное место. Не затрагивая более ранние ступени развития, данные о которых отрывочны и смутны (хотя здесь важно отметить, что, по мнению многих исследователей, рабы, тогда бесправные в гражданском праве, пользовались известными правами и защитой в сакральном праве), мы можем констатировать даже для времени поздней республики факты, позволяющие думать, что такое место сословию рабов отводилось.

Так, с конца II и от I в. до н. э. до нас дошли довольно многочисленные надписи из различных городов Италии и самого Рима о деятельности культовых коллегий, в которых рабы занимали должности министров, а отпущенники — магистров. Коллегии эти часто были связаны с теми божествами, которые пользовались наибольшим почитанием в городе и имели там официальный культ (например Фортуна в Пренесте, Меркурий и Мая в Помпеях). Видимо, рабов, по той или иной причине оторвавшихся от фамилии, где они участвовали в культе Ларов, старались приобщить к культовой, а через нее и к общественной жизни города. По тому же принципу был организован культ компитальных Ларов и императорского Гения при Августе: его министрами первоначально были рабы, магистрами — отпущенники. Рабы в тот период вообще широко участвовали в коллегиях. Помимо надписей коллегий рабов (например, известные стелы из Минтурн), это явствует из частых упоминаний случаев, когда сторонники Катилипы или Клодия отправлялись по кварталам Рима вербовать в свои ряды простой народ и рабов. Вряд ли они могли заходить в частные дома и произносить там перед рабами речи. Очевидно, они обращались к магистрам коллегий, в частности и рабских, а через них уже к состоявшим в коллегиях рабам (в отношении коллегий свободных такой образ действий рекомендуется перед выборами кандидату в *De petitione consulatu*). Наконец, и самый факт апелляции борющихся партий к рабам показывает, что их все же не считали стоящими вне общества ⁸.

При империи в этом смысле положение меняется. Рабы и рядовые отпущенники отстраняются от участия в официальных культах, ограничивается и их участие в коллегиях. Даже в периоды гражданских войн ни одна из партий не пытается привлечь к себе рабов. Начиная с Августа, правительство сознательно старается углубить разницу между рабами и свободными, рабы вызывают все больше подозрения и недоверия. Яркой иллюстрацией тому служит хотя бы знаменитый Силанианский сенатус-консульт о предании пытке в случае убийства господина всех рабов, находившихся в момент убийства под одной с ним кровлей. В речах Цицерона нередко разбираются случаи, когда господа были убиты при загадочных обстоятельствах, но к допросу под пыткой привлекались только рабы, подозреваемые в соучастии, да и то только с согласия наследника

⁸ Характерны в этом смысле слова Флора: он говорит, что война с гладиаторами Спартака была особенно унижительна для римлян, так как их противники стояли вне общества, тогда как восставшие рабы Сицилии были хотя и люди «второго сорта» — *genus secundum*, но все-таки люди.

убитого (см., например, запутанную историю многочисленных убийств в речи за Клуенция). В «Реторике к Гереннию» в качестве примера совершенного по незнанию противозакония приводится случай, когда человек, унаследовавший имущество убитого брата, предал пытке виновного в убийстве раба, не зная, что, согласно еще не вскрытому завещанию, брат отпустил этого раба на волю (I, 14). При империи ввод во владение наследника, если прежний господин был убит, вообще не производился до пытки фамилии, чтобы новый владелец не попытался ее спасти. Пытали не только виновного, но и невинных. Кроме того, постепенно под действие сенатусконсульта подпали не только прежде исключенные из него малолетние рабы, но и отпущенники убитого (Dig., XLVIII, 19, 28; 11; XXIX; 5, 3, 10—14; 25). Даже из этого примера видно, что если при империи и распространилось убеждение о необходимости более мягкого обращения с рабами, противоречия между классом господ и классом, если не сословием, рабов в целом стали острее. Кстати сказать, для самих римлян это «смягчение нравов» вовсе не было бесспорным. Плутарх, передавая в биографии Кориолана известное предание о том, как Юпитер разгневался за казнь раба на глазах у собравшихся смотреть игры зрителей, пишет, что в те времена, когда господа жили и работали вместе с рабами, отношение к рабам было гораздо мягче и снисходительнее. Ювенал, Плиний Старший и Сенека постоянно сожалеют о тех временах, когда рабы были как бы членами семьи и их отношения с господами были патриархальными, дабы они лучше работали и не озлоблялись против господ⁹.

Вместе с тем изменяются и самые эти классы. Уже указывалось, что первоначально класс и сословие рабов совпадали. Отношение рабов к средствам производства и их место в процессе производства было примерно одинаковым для всех рабов. В пору преобладания в земледелии и ремесле мелкособственнического хозяйства рабы трудились в нем, не имея не только в собственности, но и во владении ни земли, ни инвентаря, ни иных средств производства, так как мелкий собственник, естественно, не мог выделить их рабу из своего небольшого имущества. В крупных же имениях, за исключением скотоводческих, рабский труд большой роли не играл. Не находили себе рабы применения и в сравнительно простой системе государственного управления. Максимум, на что мог рассчитывать раб, это скопить себе небольшой пекулий за счет предоставленных ему господином двух-трех голов скота или экономя на выдававшемся ему пайке. В сходном положении были и отпущенники, которыми, по словам Цицерона, «предки» владели так же, как рабами, и могли вернуть в рабство (Ad Quint., I, 1, 5; Ad Att., VII, 2).

Постепенно, к концу республики и особенно при империи положение меняется. Из сословия рабов выделяются группы, которые уже не могут быть безоговорочно причислены к единому классу рабов. Часть из них приобретает значительный пекулий в виде мастерских, лавок, кораблей, земельных участков, инвентаря, рабов-викариев. И хотя пекулий никогда не становится юридически их собственностью, их владельческие права на него настолько укрепляются, что признаются и фактически, и юридически. Значительная часть рабов оказывается занятой в администрации и составляет некое подобие низшего чиновничества. Эта группа особенно разрастается и укрепляется при империи. Наконец, с распространением в Риме эллинистической культуры появляется и рабская интеллигенция — врачи, учителя, актеры и т. п. Видимо, рабы, поступавшие в Рим из эллинистических стран, во многом способствовали эллинизации римлян. Пли-

⁹ Именно таковы были причины «смягчения нравов». См. Colum., De r. r., I, 8; 9; Seneca, De ira, II, 11, 3—4; De clem., I, 13, 3; Epist., 47; Mosaic. et Rom. log. coll., III, 3, 2—6.

ний Старший приводит в качестве курьеза произошедший «при прадедах» случай, когда на одном корабле были привезены и одновременно проданы, как требовал обычай, с побеленными мелом ногами, основатели мимических представлений Публий и астрологи, его двоюродный брат Манилий Антиох и грамматик Стаберий Эрот (NH, XXXV, 58, 2). Таких случаев, вероятно, было немало. И если впоследствии римляне в достаточной мере усвоили греческую культуру, чтобы не зависеть в этом смысле от своих образованных рабов, то, с другой стороны, развились потребности, способствовавшие умножению числа рабов интеллигентных профессий. Домициан даже считал нужным сократить привилегии, дарованные его отцом учителям и врачам, которые, по его словам, вместо того чтобы передавать свои знания свободным юношам, за плату обучали рабов (АЕр, 1936, № 128).

Все эти группы, оставаясь по сословной принадлежности рабами, по своему отношению к средствам производства и по своему месту в процессе производства заняли совсем иное положение. Еще быстрее дифференцировалось сословие отпущенников. Уже не говоря о всем известных богатейших и могущественных императорских отпущенниках, богатства достигали и многие отпущенники частных лиц, становившиеся севирами-августалами, что сближало их в известной мере с сословием декурионов. Напротив, другие либертины переходили на положение колонов или ремесленников, обязанных часть времени работать на патрона, причем их экономическая зависимость от патронов усиливалась, хотя их юридическая свобода была значительно более гарантирована правом, чем при республике.

Параллельно шло и разложение сословий свободных. При этом, если в период ранней республики процесс обезземеливания мелких собственников имел своим результатом укрепление рабовладельческих хозяйств и, следовательно, рабовладельческого способа производства, то при империи разложению подвергается та группа собственников, которая составляла основной костяк класса рабовладельцев. Некоторые ее представители становились крупными землевладельцами, сенаторами; другие, беднее, сливались с плебсом и делили его судьбу, попадая в зависимость от богатых и могущественных в качестве клиентов, колонов, а иногда и рабов.

Отрывать друг от друга все эти теснейшим образом взаимосвязанные явления и рассматривать их изолированно — совершенно неправомерно. Допустимо ли было бы, например, исследуя историю феодализма и обнаружив, что к концу его существования крестьянство расслоилось и известная его часть обрела значительно большую свободу и благосостояние, чем в предыдущий период, делать на этом основании какие-либо выводы, игнорируя обезземеливание других масс крестьянства, деклассирование дворян, появление буржуазии и пролетариата за счет разложения третьего сословия? Само собой очевидно, что такой метод подхода не дал бы возможности понять и объяснить не только неизбежность буржуазной революции, но и целый ряд более частных событий и явлений того времени. Столь же недопустимо из фактов, показывающих, как рабы из класса-сословия превращались в сословие, как это сословие разлагалось, делать какие-либо выводы, не учитывая другие параллельные процессы. Рабство изжило себя, и методы эксплуатации стали меняться, приближаясь к методам эксплуатации крепостных, сидящих на земле или отпущенных на оброк. Но зато массы свободных и прежде равноправных граждан начинают эксплуатироваться методами, во многом определявшимися тысячелетней практикой эксплуатации рабов. Обходятся, смягчаются и, наконец, вовсе отменяются запрещения обращать в рабство свободных. Конечный результат развития колоната лучше всего иллюстрируется

рескриптом Аркадия и Гонория, в котором они пишут, что на своих колон-
нов господа могут смотреть почти как на рабов, а колонны должны знать,
что и они сами и все их достояние принадлежит господам и что не может
быть у них никакого права, если закон ничего не признает их собствен-
ностью (СJ, XI, 49, 2).

Рабовладельческий способ производства находился в состоянии глу-
бокого кризиса, но рабовладельческие методы эксплуатации все еще
жили. Это создавало глубокое, неразрешимое в рамках старого общества
противоречие, обострявшее до крайней степени и все прочие противоречия.
Поэтому никоим образом нельзя думать, что улучшение положения части
рабов и сближение положения рабов и свободных смягчало противоречия
рабовладельческой формации и как бы ликвидировало существование
рабовладельческого способа производства.

Таким образом, по-видимому, мы можем сказать, что ни численность
рабов, ни положение рабов не могут служить критерием для суждения
о характере общества, о степени развития господствующего способа про-
изводства и об остроте присущих ему противоречий. Рабов и рабовладель-
цев нельзя рассматривать изолированно от прочих классов и социальных
групп. Только беря общество в целом, мы можем попытаться установить,
каковы были тенденции его развития, каков был наиболее типичный для
него вид хозяйства, какова была основная рабочая сила в таком хозяйстве
и какая форма эксплуатации определяла экономическое, социальное и
юридическое положение всех категорий непосредственных производителей,
подвергавшихся эксплуатации. Это и дает нам возможность судить
о характере общества в целом.

